

СТАТЬИ / PAPERS

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская
V.I. Abramova, Ju.V. Arkhangelskaya

ПУШКИНСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ФОЛЬКЛОРЕ РУНЕТА

PUSHKIN'S CHARACTERS IN THE FOLKLORE OF THE RUSSIAN INTERNET

Исследование продолжает собой цикл статей, посвященных анализу репрезентаций пушкинского мифа в фольклоре Рунета. В первой статье цикла, опубликованной в номере 4(49) журнала «Ученые записки Новгородского государственного университета» за 2023 год, была проанализирована биографическая составляющая пушкинского мифа. Вторая статья, посвященная мифологеме, отражающей значение А.С. Пушкина для русской культуры, и ее репрезентациям в русском сегменте Сети, была опубликована в журнале «Art Logos (искусство слова)» № 4(25) за 2023 год. Третья статья «Пушкинские прецедентные высказывания в фольклоре Рунета» вышла в номере 4(59) журнала «Филологос» за 2023 год. В настоящей работе продолжается исследование рецепции творчества поэта в фольклоре Рунета. Авторы рассматривают интернет-репрезентации, в которых использованы образы из произведений А.С. Пушкина: царица-мачеха и зеркальце из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях»; старик, старуха и золотая рыбка из «Сказки о рыбаке и рыбке»; три девицы под окном из «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»; кот ученый и дуб зеленый из пролога к поэме «Руслан и Людмила»; Татьяна и Онегин из романа в стихах «Евгений Онегин»; Моцарт и Сальери из одноименной пьесы; Дубровский и Маша из повести «Дубровский»; Германн из повести «Пиковая дама». Анализу подвергаются такие формы интернет-фольклора, как мемы, презентемы, мотиваторы, демотиваторы и другие креолизованные тексты, а также стишки-порошки, сетевые анекдоты и т.п. Исследование показало, что пушкинские образы востребованы в сетевом фольклоре, они узнаваемы русскими потребителями интернет-контента, соотносятся с национальными символами и культурными стереотипами, функционируют в русском сегменте сети как понятный, без труда дешифруемый код.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, пушкинский миф, образ, персонаж, Рунет, интернет-фольклор.

The study continues the cycle of articles devoted to the analysis of representations of the Pushkin's myth in the folklore of the Russian internet. In the first article of the cycle published in issue 4(49) of the magazine "Scientific notes of the Nizhniy

Novgorod state university" 2023, the biographical constituent of the Pushkin's myth was analyzed. The second article is devoted to the mythology reflecting the meaning of A.S. Pushkin for Russian culture and its representations in the Russian segment of the Web, was published in the magazine "Art Logos (word art)" No. 4(25) for 2023. The third article, "Pushkin's precedent statements in Runet folklore", was published in issue 4(59) of the Philologos magazine for 2023. This work continues the study of the reception of the poet's work in Runet folklore. The authors consider Internet representations that use images from the works of A.S. Pushkin: the queen-stepmother and the mirror from "The Tale of the Dead Princess and the Seven Knights"; the old man, the old woman and the goldfish from "The Tale of the Fisherman and the Fish"; three girls under the window from "The Tale of Tsar Saltan, his glorious son and the mighty hero Prince Guidon Saltanovich and the beautiful Princess Swan"; the learned cat and the green oak from the prologue to the poem "Ruslan and Lyudmila"; Tatiana and Onegin from the novel in verse "Eugene Onegin"; Mozart and Salieri from the play of the same name; Dubrovsky and Masha from the story "Dubrovsky"; Hermann from the story "The Queen of Spades". Such forms of the internet folklore as memes, representations, motivators, demotivators and other creolized texts, as well as pirozhki verses, internet jokes, etc. are analyzed. The study showed that Pushkin's images are demanded in the internet folklore, they are recognizable by the Russian consumers of the internet content, correlate to the national symbols and cultural stereotypes, function in the Russian segment of the internet as a comprehensible, easily decipherable code.

Key words: A. Pushkin, Pushkin's myth, image, character, Russian internet, internet folklore.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-61-2-5-13

Данная статья является продолжением исследования проблемы репрезентации пушкинского мифа в фольклоре Рунета. В предыдущих работах мы анализировали его биографическую составляющую [1]; мифологему, отражающую значение Пушкина для русской культуры [2]; прецедентные высказывания поэта [3]. В настоящем исследовании мы рассмотрим репрезентации пушкинских персонажей, образов и включающих их сюжетов в русском сегменте Сети.

По мнению современных исследователей, постфольклор, в который входит и фольклор Рунета, отличается от традиционного. С.Ю. Неклюдов отмечает, что он «больше связан с письменными формами, с авторским началом» [11]. Многие формы интернет-фольклора представляют собой креолизованные тексты (мемы, мотиваторы, демотиваторы и т.п.), а стишки-пирожки и стишки-порошки, рассматриваемые как малые жанры сетевой поэзии, обычно имеют автора, который скрывается под никнеймом и иногда «теряется» в процессе перепоста.

Не все пушкинские образы востребованы в фольклоре Рунета. Мы выбрали наиболее распространенные, по нашим наблюдениям, и расположили их в соответствии с количеством репрезентаций (от большего к меньшему).

Царица-мачеха и зеркальце из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях»

Эти образы и сам эпизод с вопросами к зеркалу весьма актуальны в современных реалиях, когда люди, особенно молодые, стремятся подробно рассказывать в блогах о своей личной жизни и при этом выглядеть в глазах окружающих (друзей, подписчиков) лучше, чем на самом деле. В сеть выкладывается огромное количество фотографий-портретов, часто отретушированных в программе фотопшоп. Двухпанельный мем представляет эту ситуацию следующим образом: на картинке слева царица с зеркальцем (изображение взято из мультфильма «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях») и фраза «Свет мой, зеркальце, скажи...»; на картинке справа то же изображение, но более яркое и четкое, и «ответ» зеркальца: «С фотопшопом все ж милее».

Современная женщина ведет весьма активный образ жизни: работает, ездит на машине, является пользователем Интернета, что обыгрывается в следующих креолизованных текстах. Женщина с современным гаджетом в руках: «Свет мой, зеркальце! скажи, Да всю правду доложи: Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее?» А мне зеркальце в ответ: «Ты достала! Я – планшет!»; женщина в машине: «Свет мой, зеркальце, скажи... – За дорогой следи, дура!». В таком напряженном ритме современной жизни сложно «сохранять лицо», следить за собой. Ирония по этому поводу выражается в текстовых составляющих интернет-презентом: «Спросила у зеркала, кто на свете всех милей? Уже три дня перечисляет. Меня пока в списке нет...»; «Свет мой, зеркальце, молчи! Тут хоть смейся, хоть кричи!».

Нередко образ современной женщины, разговаривающей с зеркальцем, не соответствует национальному гендерному стереотипу, согласно которому она должна быть нежной, робкой, хрупкой, что входит в понятие «слабый пол», и комический эффект интернет-презентом, использующих этот прием, создается за счет обманутого ожидания: «–Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее? – Ты прекрасна, спору нет... Убери, блин, пистолет!»; «Царица: Кто на свете всех милее, всех румяней и белее? Зеркальце: Румянец и белизна – это навязанные обществом стандарты. Не дай им испортить свою жизнь! Не нужно быть румяной или бледной, стройной или пышной, низкой или высокой, чтобы быть красивой! Все люди красивы! Царица: Что ж... Значит, придется убить всех». Следует отметить, что пушкинская царица, действительно, была агрессивной, жестокой, и интернет-презентомы, в которых появляется ее образ, развивают данную тему, перенося эти качества на современных женщин.

Старик, старуха и золотая рыбка из «Сказки о рыбаке и рыбке»

В системе образов пушкинской сказки старуха – деспотичная, капризная, жадная женщина, а ее муж – мягкий, слабовольный человек. Построенный по кумулятивному принципу сюжет сказки включает неоднократные приходы старика к морю и его разговоры с рыбкой. В следующих интернет-презентах как раз иронически обыгрывается такой диалог, в ходе которого рыбка предлагает свои варианты решения проблемы: «Дед: – Бабка корыто новое просит. Рыбка: – Хорошо. Будет ей «Лада Калина»; «Дед: – Рыбка, там опять с бабкой траблы. Уж не хочет быть она царицей, хочет быть владычицей морскою. Рыбка: – Да попроси себе уже нормальную бабу...». Поскольку основной функцией интернет-фольклора является ироническое переосмысление действительности, тексты презентом содержат намеренно сниженную лексику, в том числе сленговые, разговорные слова (бабка, траблы, баба).

Нередко в интернет-фольклоре старик сам проявляет инициативу, например, просит для старухи вместо нового корыта стиральную машину-автомат или делает «заказ» для себя: просит рыбку дать ему спиртного или превратить его жену в красавицу, но терпит неудачу. В первом и втором случаях старуха по-прежнему выражает недовольство: «– Ну на кой черт мне твой "автомат"? Да ты знаешь, сколько я с разбитого корыта от туристов имела?!»; «А кроме моря спирта тебе в голову ничего не пришло?». А в третьем просто уходит от мужа: «Оставайся, дед, у разбитого корыта».

Иногда в интернет-фольклоре пушкинский сюжет подвергается травестии: в одном из креолизованных текстов старик и старуха «меняются» характерами. Уставший от произвола жены дед берет инициативу в свои руки: «Скоро, скоро ты станешь владычицей морской, вот только цемент застынет...». С этими словами он заливает цемент в корыто, в которое старуха опустила ноги.

В сетевых анекдотах может происходить контаминация сюжетов: пушкинского и «народного» (о супружеской измене и рыбалке): «Поймал мужик Золотую рыбку и говорит ей: – Мне ничего не надо! Только скажи моей, что я действительно на рыбалке...» (<https://humor.rin.ru/cgi-bin/show.pl?razdel=0&anekdot=118191>).

Как видим, образ золотой рыбки «отрывается» от пушкинского контекста и становится самостоятельным персонажем в фольклорных комических нарративах. Ее может

поймать любой человек и сообщить ей свое заветное желание. Иногда такие анекдоты приобретают социально-политический характер: «Россиянин поймал золотую рыбку и высказывает желание: – Я хочу умереть в демократической, должным образом управляемой и справедливой России, где политики не будут воровать, люди будут голосовать с умом ... Рыбка его перебивает. – Так ты хочешь быть бессмертным?» (<https://www.anekdot.ru/id/1177108/>).

Политический характер имеет и интернет-презентема, представляющая собой кадр из популярного советского мультфильма «Вовка в тридевятом царстве». Заглавный персонаж и старуха из сказки Пушкина, сидящая перед разбитым корытом, ведут диалог, отсутствующий в оригинале: «– Бабушка, а может, мне Золотую рыбку насчет нового корыта попросить? – Поздно, внучек. Ее давно уже Росрыболовство словило. Видишь, какие дворцы они себе на побережье отгрохали?».

Три девицы под окном из «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»

Начало пушкинской сказки («Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком») в интернет-фольклоре приобретает статус стереотипной ситуации, в которой прядение (в традиционном фольклоре – «универсальная модель создания жизни, в т.ч. человеческой» [15, т. 4, 321]) в современных реалиях ироническим переосмысливается и заменяется другими занятиями: «Три девицы под окном размечтались / Wi-Fi искали / пили водку вечерком». В некоторых интернет-презентемах пушкинская фраза («Три девицы под окном») сохраняется, но сопровождается неожиданным визуальным рядом: старушки на скамейке, бомжеватые женщины, панки с ирокезами. Такие преобразования отражают карнавальную сущность сетевой культуры.

В соответствии с современными запросами могут трансформироваться и мечты девиц. На одной из интернет-презентем ткачиха заявляет: «Кабы я была царица, одевалась бы только в haute couture»; повариха говорит: «А я бы обедала только в мишленовских ресторанах». Третья сестрица выражает «правильную» точку зрения: «А я бы пошла к хорошему психотерапевту, чтобы разобраться, где мои желания, а где навязанные обществом стереотипы об успешной жизни».

К ситуации «три девицы под окном» обращаются и сетевые анекдоты: «В первых строках "Сказки о царе Салтане" Александр Сергеевич очень точно передал всю суть нашей государственности: тем, кто хочет сделать что-то для народа, а не для батюшки-царя, у власти не бывать» (<https://www.anekdot.ru/id/896873/>).

Кот ученый и дуб зеленый из поэмы «Руслан и Людмила»

Пушкинские образы дуба и кота-сказочника, который «ходит по цепи кругом», восходят к славянскому фольклору. Сохранилась конспективная запись народной сказки, сделанная поэтом уже после написания поэмы, но явно отсылающая нас к созданным в ней образам: «у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет – сказки сказывает, вниз идет – песни поет» [12, т. 3, 471]. После выхода в свет поэмы «Руслан и Людмила» образы из ее пролога стали тиражироваться благодаря лубочным картинкам, и уже в XIX веке «ученый кот как олицетворение сказительства сделался общеизвестным персонажем» [7, 60].

У Пушкина кот ученый «показан как носитель фольклорной традиции, он является сосредоточием сакрального знания и народной мудрости» [10, 159]. В сознании современных потребителей контента Рунета его образ вошел в ряд с другими «котиками», чрезвычайно популярными в Сети. Существует шутка: «Интернет очень похож на древний Египет – люди пишут на стенах и поклоняются котам». По предположению Ядвиги Тарса, «самые большие шансы стать мемом имеют те слова, графики, фотографии и т.д., которые возбуждают большие положительные или отрицательные эмоции, вызывают улыбку и смех, удивляют своей абсурдностью» [17, 71]. К ним относятся попадающие в Интернет изображения котов, в том числе и пушкинского ученого кота.

Само пушкинское название персонажа *кот ученый* превратилось в наименование мема, содержащего изображение разнообразных котов в очках, с книжками или другими атрибутами «учености» и сопровождающегося подписями, в которых история кота распространяется и обрастает новыми подробностями: «Днем и ночью кот ученый / Голивудил под окном»; «С златой цепи сорвался он с охотой, / Богемной жизни сбавил обороты, / Не травит баек, песен не поет, / Ушел на пенсию. Теперь преподает»; «У лукоморья ЗИЛ зеленый, / И керосин, и масло в нем. / И днем и ночью кот ученый / Все ходит с гаечным ключом».

Подписи могут иметь скептический, ироничный и нравоучительный характер: «Не верь, деточка, ученых котов не бывает»; «Женатый мужчина как кот ученый: идет налево – песнь заводит, а дома сказки говорит».

Образ дуба у лукоморья присутствовал в мифологической картине мира древних славян: «Образный комплекс "дуб – океан (море)" соотносится с народно-мифологическими верованиями: это один из неизменных зачинов во многих заговорах и молитвах» [6, 99]. Дуб был связан с богом-громовержцем и символизировал силу, крепость и мужское начало; «в фольклоре и в практической магии фигурировал в качестве мирового древа» [15, т. 2, 141]. Дубы считались местом обитания мифологических персонажей. Не случайно у Пушкина вокруг дуба сконцентрированы сказочные образы: русалка, ступа с бабою ягой, леший. Пролог поэмы «Руслан и Людмила» со всем образным строем и с сохранением стихотворного ритма (четырёхстопный ямб) вошел в советский школьный и студенческий фольклор еще до появления Интернета: «У лукоморья дуб срубили, / Кота на мясо зарубили, / Русалку в бочке засолили...» (подробный комментарий к подобным переделкам дан в статье Е.Ю. Романовой [14]). В сетевом фольклоре этот текст актуализировался, стал сопровождаться визуальным рядом, получил современные продолжения: «У лукоморья дуб зеленый, / Есть интернет на дубе том, / Там виснет в скайпе (в другом, более раннем, варианте – в аське) кот ученый, / Отбросив песни на потом. / Там на неведомых дорожках / Отлично ловит телефон (в другом варианте – мегафон), / И в бочке там, поджавши ножки, (в другом варианте – Там в бочке с пивом "Старый мельник") / По морю мчит сам царь Гвидон. / Царевна смс всем пишет, / А серый волк планшет свой ищет (в другом варианте – свой плеер ищет)»; «У лукоморья дуб зеленый, / Златая цепь на дубе том, / И днем и ночью кот ученый / Сидит в контакте точка ком». Отмеченная вариативность подчеркивает фольклорную природу анализируемых текстов.

Татьяна и Онегин из романа в стихах «Евгений Онегин»

В сетевом фольклоре чаще всего обыгрываются драматические взаимоотношения этих персонажей, зеркальная композиция произведения, которая задается сходными ситуациями с признаниями в любви и ответами на них. Краткое содержание романа Пушкина иронично представлено в сети следующим образом: «Таня: Го встр? Жень: Не. *прошло несколько лет* Жень: Го встр? Таня: Не.» (*Го встр* на молодежном слэнге означает 'давай встречаться').

Эгоизм Онегина в сетевом фольклоре гиперболизируется, превращается в нарциссизм. В Сети можно встретить имитацию его переписки с Татьяной в одном из мессенджеров: «Онегин: Как вас зовут? Татьяна: Татьяна Ларина, а вас? Онегин: Евгений Онегин, чудесное имя. Татьяна: Большое спасибо! Онегин: Я про свое».

В ответ на свое искреннее письмо Татьяна получает уже не холодную отповедь, а вполне конкретное предложение: «Я к вам пишу, чего же боле, / Что я могу еще сказать? / – То, что мне можно увольняться, Меня ты будешь содержать». Ситуация представлена в виде двухпанельного мема, в верхней части которого изображена Татьяна с пером в руках, а в нижней самовлюбленный Онегин. Другой вариант того же мема содержит следующие слова Онегина: «– От вас, Татьяна, лишь проблемы, / Не буду лучше отвечать». Реакция Онегина на письмо Татьяны также иллюстрируется мемом «Так себе подкат».

Если в романе Пушкина Онегин оценил искренность Татьяны и понял глубину ее чувств, то в сетевом фольклоре он пренебрежительно относится к ее признанию: «Татьяна:

Онегин, здесь так холодно. Давайте разожжем огонь. Онегин: Конечно. Достает бумажку и спички. Зажигает бумажку. Татьяна: Красиво горит. А что это? Онегин: Ваше письмо».

Традиционно письмо Татьяны к Онегину предлагают школьникам для заучивания и чтения наизусть. Подобная школьная практика обыгрывается в таком жанре сетевого фольклора, как стишки-порошки: «Я вам доверилась, Онегин, / Вы предали меня и вот, / Вся школоты письмо читает / И ржет». М. Кронгауз отмечает следующие особенности порошков как образцов сетевой поэзии: количество слогов в строках 9-8-9-2, причем последняя, четвертая, строка рифмуется со второй [8, 112].

«Симметричный» ответ Татьяны представлен, по нашим наблюдениям, только в одном, но очень популярном креолизованном тексте. Татьяна демонстрирует безымянный палец с кольцом и заявляет: «Но я другому отдана / и потому идите на...».

При изображении Онегина в сети часто используется прием перенесения героя из XIX века в настоящее время. Весьма популярным в Интернете является жанр фанфика – любительского сочинения, созданного по мотивам известного литературного произведения, фильма, компьютерной игры и т.п. Так, в 2014 году Алина Сахненко осуществила попытку переписать «Евгения Онегина» на современный лад. Ее поэтический опыт под названием «Евгений Онегин. Версия 2.0. Эксперимент в стихах» стал широко известен и даже является предметом анализа в научных статьях [13]. На сайте «Анекдот.ру» (<https://www.anekdot.ru/id/941027/>) нами был обнаружен фольклорный (безавторский) текст, созданный по тому же принципу и озаглавленный «По Пушкину. Микропародия сквозь призму соцсети»:

Все лайкает. Онегин входит,
Читает ленту, сообщения, спам
Придирчиво запросы смотрит
И фото незнакомых дам
Друзей\друзей тупит их взором
Всех видел: селфи, котомором
Ужасно недоволен он;
С топфрендами со всех сторон.
Разлайкался, потом на нюусы.
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул.
И молвил: "все пора на смену.
Едва планшет я заимел
Как и инет мне надоел"
(орфография и пунктуация источника сохранены).

Обращает на себя внимание тот факт, что микропародия написана онегинской строфой с явной отсылкой к оригинальному тексту Пушкина («Все хлопает. Онегин входит...», глава I, строфа XXI). Комический эффект создается за счет включения в микропародию сленговых слов, появившихся в молодежном жаргоне благодаря цифровым технологиям и социальным сетям: лайкать, разлайкаться, топфренд, нюусы, селфи, котомор, инет.

Моцарт и Сальери

В маленькой трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» изображена одна из версий трагической смерти великого композитора. Поэт, по мнению исследователей, мог читать статьи в немецкоязычной прессе, в которых говорилось о признании умирающего Сальери в отравлении Моцарта. Благодаря Пушкину образы двух композиторов воспринимаются нами как олицетворение гениальности и злодейства. Маленькая трагедия «Моцарт и Сальери» входит в школьную программу (произведение изучается в 9 классе), и сцена отравления, как одна из самых ярких, остается в сознании массового читателя. Именно эту сцену чаще всего

иронически обыгрывают в Сети с помощью карикатур и мемов. Так, известная иллюстрация М.А. Врубеля к пушкинскому произведению, на которой Сальери высыпает яд в бокал Моцарта, превращена в креолизированный текст с сопроводительной надписью: «Писать, как Моцарт, нереально, но я, мечту свою лелея, решил проблему гениально – я отравил его. Сальери». Комический эффект часто создается за счет помещения композиторов в современные российские реалии (подпольное производство спиртных напитков и массовые отравления некачественным продуктом). На одной из карикатур Сальери обращается к упавшему на пол умирающему Моцарту: «Вольфганг, дружище, мне в ларьке клялись, что водка не паленая». Комизм может создавать и игра на многозначности слова, которая используется, например, в таком сетевом анекдоте: «Вы заказы принимаете? – Да. – Моцарта хочу заказать. И чтоб исполнил Сальери...». Одно из значений слова «заказать» – 'поручить изготовить, исполнить, доставить что-л.', другое значение (жаргонное) – 'приказать, поручить кому-л. причинить физический вред какому-л. человеку' [4]. Многозначность обычно снимается либо контекстом, либо описанием ситуации. В данном случае нет ни того, ни другого, что и создает комический эффект.

Дубровский и Маша из повести «Дубровский»

Всем известная фраза *Спокойно, Маша, я Дубровский*, а также многочисленные обценные ее варианты в Рунете часто выступают в роли текстового сопровождения многих мемов. Следует отметить, что в произведении Пушкина эта фраза отсутствует. В оригинальном тексте читаем: «...я не француз Дефорж, я Дубровский. Марья Кириловна вскрикнула. – Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени» (глава XII). Закрепившийся в разговорной речи вариант *Спокойно, Маша, я Дубровский* обладает устойчивостью и воспроизводимостью и образовался, если использовать терминологию Т.А. Гридиной, в результате применения аллюзивного принципа языковой игры. Этот принцип «является основой интерпретации некоего общеизвестного, культурно значимого *прецедента* (выступающего прототипическим объектом для *новой ассоциативной обработки*)» (курсив автора) [5, 6]. В нашем случае прототипами можно считать и прецедентный текст, и прецедентную ситуацию, и прецедентные имена, которые «выступают лишь стимулом для развертывания ассоциативной стратегии языковой игры» [5, 6–7]. Значение данного прецедентного высказывания в современной речи – «обещание помощи, поддержки», «гарантия защиты» [5, 71], что не противоречит сюжету пушкинской повести и характеру заглавного героя.

Устойчивая фраза *Спокойно, Маша, я Дубровский* появилась в школьном фольклоре в доцифровую эпоху, однако сейчас она активно используется в сетевых анекдотах. Например: «Вор ночью забирается в квартиру, где, по его данным, живет одинокая женщина. По шороху в темноте понимает, что разбудил хозяйку и говорит: "Спокойно, Маша, я Дубровский". В ответ слышится звук увесистого удара и мужской вскрик. Потом в темноте раздается густой мужской бас: "Спокойно, Дубровский, я не Маша"».

В трансформированном виде устойчивое выражение включается в стишки-порошки: «Спокойно, Маша, вот пустырьник / Кричал Дубровский из дупла. / А Маша в бешенстве медведя / ... рвала»; «спокойно маша вот пустырьник / кричал дубровский из дупла / опять с работы не принес он / бабла»; «не бойся бабка я дубровский / сказал старушке родион / но та по топору смекнула / не он». Помимо Дубровского и Маши, в эти тексты включаются другие образы из романа Пушкина (дупло, медведь) и даже «выходец» из произведения другого автора (Раскольников). В приведенных текстах отражается общее представление наших соотечественников о пушкинском произведении: по утверждению М.А. Черняк, «в памяти читателя XXI в. остается лишь мелодраматический сюжет, театральное убийство Дубровским медведя, передача записки в дупле да фраза "Спокойно, Маша, я Дубровский"» [18, 57–64].

Германн из повести «Пиковая дама»

Крылатая фраза «Уж полночь близится, а Германа все нет» восходит не к тексту повести Пушкина, а к либретто оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама», которое написал

брат композитора М.И. Чайковский. Последний не только изменил пушкинский сюжет, но и убрал одну букву «н» из фамилии персонажа, превратив ее в имя (у Пушкина фамилия Германн подчеркивала происхождение героя – сына обрусевшего немца). Эпизод, в котором произносится фраза «Уж полночь близится, а Германа все нет», в повести «Пиковая дама» отсутствует. В либретто с этой фразы начинается ариозо Лизы, ожидающей возлюбленного на набережной у Петропавловской крепости уже после смерти старой графини. У Пушкина герои больше не встречались после роковой ночи, а ситуация ожидания предшествовала роковым событиям, причем это Германн ждал приезда с бала графини и Лизы.

В разговорной речи фраза «Уж полночь близится, а Германа все нет» употребляется как «иронический комментарий к ситуации, когда кто-то опаздывает, не приходит в назначенный час» [16]. В Сети чаще всего данный крылатизм используется со всевозможными трансформациями разных компонентов, но почти всегда с сохранением модели *Уж X близится, а Y все нет*. Чаще всего трансформации (лексической субституции) в мемах подвергается вторая часть фразы: «Уж полночь близится, а близости / вискаса / сытости / ужина / полдника все нет». Реже трансформации подвергается первая часть: «Уж климакс близится, а Германа все нет». Другой вариант, когда трансформации подвергаются обе части фразы одновременно: «Уж лето близится, а талии все нет», «Уж Бахмут взят, а наступа все нет». Встречаются трансформации, которые образованы по модели перевертыша: «Уж Герман близится, а полночи все нет». В.П. Москвин в терминологическом словаре «Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры» дает следующее определение перевертышу: «Разновидность небылицы, основанная на игровой инверсии» [9, 456]. Эффект неожиданности создается и за счет варьирования второй части фразы по линии утверждения / отрицания (отрицательная вторая часть фразы меняется на утвердительную): «Уж полночь близится, а Герман уже здесь», «Уж полночь близится, а Германа... а не, вот он!».

Проведенное исследование показало, что пушкинские персонажи в фольклоре Рунета – это востребованные, узнаваемые образы, способные характеризовать современные реалии и ситуации. Они могут выражать символические смыслы и отражать национальные стереотипы. С одной стороны, они отсылают нас к русскому (и шире – славянскому) фольклору, с другой стороны, включены в круг современных ассоциаций. Пушкинский текст выполняет функцию посредника между прошлым и настоящим. Несмотря на примитивизацию при осмыслении и воплощении пушкинских образов, сетевой фольклор не искажает их сути. Создатели мемов, анекдотов и других форм интернет-фольклора обнаруживают знание пушкинских текстов, их сюжетных и композиционных особенностей, деталей, а значительное количество презентом косвенно свидетельствует о том, что данные «продукты» востребованы потребителями контента, понимаемы ими.

1. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Пушкинский миф в фольклоре Рунета: биографический аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4(49). С. 357–361.
2. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета // Art Logos (искусство слова). 2023. № 4(25). С. 93–107.
3. Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Пушкинские прецедентные высказывания в фольклоре Рунета // Philologos. Елец, 2023. № 4(59). С. 5–14.
4. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
5. Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург, 2008.
6. Ильичев А.В. «Когда за городом, задумчив, я брожу» // Временник Пушкинской комиссии. 1987. № 21. С. 98–104.
7. Королев К.М. Кот Баюн и квазифольклорная составляющая современной массовой культуры // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 52–87.

8. Кронгауз М.А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («Порошок») // Слово.ру: Балтийский акцент. 2019. № 4. С. 109–126.
9. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д., 2007.
10. Осьмухина О.Ю., Трушкина А.П. Котики в истории русской культуры: от фольклорного образа к интернет-мему // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы. М., 2022. С. 156–166.
11. «Постфольклор» – современный русский городской фольклор. URL: <http://madan.org.il/ru/news/postfolklor-sovremenny-russkiy-gorodskoy-folklor> (дата обращения: 19.11.2023).
12. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Поэмы, Сказки. М., 1960.
13. Райнхардт Р.О. Фанфик как феномен современной художественной литературы: кейс «Евгения Онегина» // 2018. Научный диалог. № 4. С. 161–168.
14. Романова Е.Ю. Комментарий к переделкам «Пролога» А.С. Пушкина («У лукоморья дуб зеленый...») // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2005. № 1. С. 96–108.
15. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1995–2012.
16. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005.
17. Тарса Я. Коты Наташи-квинтэссенция интернет-мема // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Орел, 2020. С. 70–74.
18. Черняк М.А. «Спокойно, Маша, я Дубровский», или Новые игры с классикой // Universum: Вестник Герценовского университета. 2008. № 5. С. 57–64.